

Каждый держал в сердце собственную кладезь слухов.

— Чиновник третьего ранга господин Чжан, я тайно скажу вам кое-что, но вы определенно не должны рассказать это кому-либо: если об этом услышат другие, вы точно потеряете голову. Я слышал, что у императора и помощника министра обрядов любовная интрижка, тс-с-с... Никому не рассказывайте это!

— Правда? Вы можете быть уверены, я не стану болтать о таких делах, мне все еще не надоело жить...

— Чиновник пятого ранга господин Лю, только что я услышал от чиновника четвертого ранга господина Ли шокирующие новости, поскольку мы были соседями в течение длительного времени, я по секрету скажу вам, однако, никогда никому не рассказывайте это — ваш язык точно вырвут...

— Тетушка Цзянь Яо, чиновник третьего ранга господин Чжан рассказал мне невероятную историю, просто дайте мне больше зеленого лука в качестве бонуса, тогда я тайно расскажу ее вам.

— Вам не нужно ничего говорить: разве это не об императоре и помощнике министра обрядов? Домохозяйки уже знают лучше вас! Купите больше редьки, я тайно поведаю вам намного большее, чем любой другой когда-либо слышал раньше, и, если вы не расскажете об этом другим, то вам не придется беспокоиться, что вас заберут и скормят свиньям...

Сплетни и слухи распространялись. Судачили повсюду.

Хотя перестать распускать слухи было бы благоразумно, вопреки ожиданиям, обычные люди не смогли удержаться от очарования сплетен. Всякий бы сказал, что он абсолютно никогда никому не расскажет, но как только он отворачивался, его сердце и зубы начинали зудеть, а язык чесаться, неспособный сдержаться, чтобы не пересказать секрет другому человеку. Один человек рассказал десяти людям, десять человек рассказал сотне — сплетни распространялись быстрее, чем сезонная лихорадка, причем в еще более широких масштабах. Высший класс, все высокопоставленные чиновники, низший класс, все простые люди и разносчики — каждый был счастлив, неумолимо сплетничая.

Запросто бабушка из семьи с востока по секрету рассказала невестке из западной семьи, невестка из семьи на западе тайно выболтала тете из северной семьи: вскоре незаметно, переходя из уст в уста, слухи о любовных похождениях некой пары вызвали большой шум. Вплоть до того, что: "Помощник министра обрядов на самом деле женщина, выдающая себя за мужчину", "отъезд из столицы — фальш, он скрылся для родов — это истина". Подобного рода теории за гранью разумного появлялись одна за другой. Пересказывающие их неизменно, без исключений, спорили со смелостью своих убеждений, брызгая слюной и произнося так, как если бы это было непреложной истиной.

Но эти два человека, о которых ходили слухи, ничего не признавали и не отрицали. Также

никто не осмеливался открыто, не сдерживаясь, обсуждать такое на улицах. Так что до сих пор при словах "я слышал кое-что..." все удлинляли уши, вытягивали шеи в ожидании какого-либо прорыва в развитии событий.

— Третий брат, ты знаешь? У вас с Ли Цунцином роман, и новость уже распространилась вовне? — Сун Сюань специально пришел сообщить об этом императору.

— Я слышал об этом, — император был безразличен, не позволяя никакой ряби всплыть на поверхность.

— Ходят также слухи, что... кхе-кхе, нелепо до предела, — Сун Сюань использовал кашель, прикрывая свой смех.

— Женщина переделалась мужчиной для принятия участия в имперском экзамене?

— Мало того, они даже говорят, что на самом деле Ли Цунцин — тот, кто родил маленькую принцессу. Это слишком смешно!

— Да-а-а-а? — тихо рассмеявшись, про себя император подумал, что если бы Ли Цунцин действительно мог рожать, то он определенно заставил бы его родить от восьми до десяти детей, и было бы лучше, если бы все принцы и принцессы были от него. — Есть еще что-нибудь? Расскажи мне все.

— Третий брат, я чувствую, что... ты счастлив.

— Не каждый день я слышу такие забавные разговоры, — император легкомысленно признал, что подобные нелепые сплетни не только не раздражали, а даже развлекали его.

Сун Сюань рассказал ему все слухи, собранные им, даже самые абсурдные до невозможности.

Ходили слухи, что Ли Цунцин был пионом, выращенным в тот год, когда бык сжевал пион. В благодарность за то, что император посадил и вырастил его, он совершенствовался и стал человеком, чтобы выйти замуж за императора и посвятить ему свою жизнь. Еще говорили, что во время Весеннего банкета к императору был подослан убийца из опасения, что император одурманен злым духом цветка, чтобы от имени народа бороться со злом. Но кто бы мог подумать, что Ли Цунцин оказался не злым духом, а Богиней Цветка, посланной на землю верховным небесным божеством, чтобы защищать императора, и в итоге попытка покушения провалилась. Еще ходили слухи, что Ли Цунцин не женщина, переодетая мужчиной, а гермафродит, потому что он был цветком, и он родил маленькую принцессу от императора. Великолепный результат ко всеобщей радости... Всякого сорта странные, чудные сплетни о случайном духе, которые были надуманными и представляли собой притянутые за уши аналогии, в основном, вращались вокруг Ли Цунцина. По большей части эти слухи можно было расценивать как положительные.

Запретная любовь между Богиней и Сыном Неба, истинная привязанность божества и смертного по-настоящему трогала до глубины души, глубоко волновала, дергала за сердечные струны и будоражила мысли о любви, безграничной и прекрасной...

Люди во времена мира и процветания, без сомнения, будут бездельничать после того, как наполнят свои желудки: силой воображения обогатив романтическую историю, обыватели создали крайне блестящий слух из воздуха. Сюжет его был похож на "Цветы в зеркале"* с добавлением "Романтики западной комнаты"* и "Романа пипы"** — как небесный скакун парящий в небе,*** каждый новый яркий момент заменялся на другой. Чтобы подвести итог всему этому, было бы достаточно написать китайский роман**** и китайскую оперу с уверенностью, что они понравятся зрителям и вызовут крики "хорошая работа", аплодисменты и воспевания в последующих поколениях.

[П\п: *"Цветы в зеркале" — роман фэнтези и эрудиции Ли Ружэня; "Романтика западной комнаты" — роман Ван Шифу;

**пипа — щипковый струнный инструмент с резной накладкой;

***"как небесный скакун, парящий в небе" — мощный и непринужденный стиль письма;

****китайский роман — длинный роман в главах, каждая глава которого начиналась кратким двестишьем].

Конечно, они ограничивали шансы на злословие, в основном, исходившее от ученых и интеллектуалов, чей живот заполнен чернилами. Это были явные шовинисты, обвиняющие Ли Цунцина в том, что он наживался за чужой счет. Они осуждали его за использование своего мужского тела, чтобы ввести в заблуждение императора, порицали за оскорбление общественной морали, жестко критиковали за нарушение небесных начал — великое преступление и крайнее зло — он виновен в самом отвратительном и непростительном! Конечно, непростительном! И так далее, и тому подобное... Подождите - подождите - подождите, это был такой гнев, будто Ли Цунцин убил всю их семью и похитил их жен. Разве он просто не встречался с императором?

Короче говоря, слух бесконечно разрастался, весь город бурлил, затем он постепенно начал распространяться дальше, за пределы города.

Император не смог сдержать смеха и даже добавил:

— На самом деле, на этот раз Ли Цунцин уехал из столицы, потому что я отправил его на гору Куньлунь — гору бессмертных — искать эликсир жизни в надежде, что мы сможем быть вместе на протяжении поколений.

Сун Сюань, напротив, смеялся не так сильно, как он:

— Ты не боишься, что он не выдержит, когда обо всем услышит?

— Он никогда бы не обиделся из-за такого рода вещей, он только беспокоился, что все будет хлопотно.

— Ты действительно веришь в него?

— Он не женщина и не будет плакать и рыдать над этой коварной интригой, — сказал император.

Сун Сюань понимал, что у его третьего брата существовал хорошо продуманный план относительно любого дела, и решил больше не комментировать этот вопрос.

Внезапно в комнату поспешно вошел слуга и доложил:

— Докладываю Вашему Величеству: Ее Величество мать-императрица вернулась во дворец.

Император немедленно встал и вместе с Сун Сюанем вышел из императорского кабинета поприветствовать мать-императрицу. Как раз в то время, когда они вышли, женщина возрастом около сорока лет с изящными чертами лица и фигурой, сохранившей осанку, облаченная в аккуратные и изысканные шелка, шагнула им навстречу.

— Ваш сын почтительно приветствует нашу мать, — два человека вышли вперед, просто преклонив колени в знак великой вежливости.

— Сыновья мои, быстро поднимайтесь, — мать-императрица помогла им встать. Хотя у нее не было короны феникса, а также вышитой накидки с кисточками, но она все еще демонстрировала чрезвычайную элегантность и совершенную уравновешенность.

— Мама, почему отец не вернулся во дворец с тобой? — спросил Сун Сюань.

— Он сделал крюк, чтобы встретиться кое с кем.

Два брата тайно переглянулись друг с другом, они хорошо знали, с кем тот собирается встретиться.

— Давай-давай-давай, мы втроем, мать и сыновья, давно не виделись, пусть мама хорошенько на вас посмотрит, — мать-императрица потащила их в императорский кабинет, отпустив слуг, расспросила о состоянии здоровья, не упоминая о слухах в течение очень долгого времени.

Они болтали до обеда. Трое, мать и сыновья, пообедали вместе. Мать-императрица по очереди

клала кушанья в их тарелки, проявляя избыток материнской любви, излучая тепло и уют, как в быту у простолюдинов, в отличие от обычного торжественного и строгого церемониала императорской семьи. Пока неожиданное осуждающее сравнение не возникло откуда-то:

— Ю'эр, помощник министра обрядов так же восхитителен, как эта приготовленная красная свинина?

Сун Сюань, находившийся в процессе пережевывания красной свинины, почти выплюнул ее. Стуча по груди от удущья, он кашлял без остановки.

Сун Ю не стал ничего категорически отрицать, используя все те же привычные спокойные интонации, ответил:

— Гораздо легче, однако мне это по вкусу.

— Как давно ты ешь?

— Ответ матушке: шесть лет.

Мать-императрица внимательно посмотрела на своего сына императора:

— Ты серьезно к этому относишься?

— Да.

— Раз так, почему не дал ему официальный статус? Как ты мог поступить с ним так несправедливо? — мать-императрица сдержала добрую улыбку, сменив ее на осуждающее выражение. — Не потому, что слухи широко и необузданно распространились снаружи, на самом деле, сколько ты планируешь скрывать правду?

— Матушка, не третий брат не желает даровать статус, — страстно вмешался Сун Сюань, пытаясь замолвить за старшего брата словечко.

— Правильнее сказать: это потому, что он не хочет, чтобы знали другие, — внезапно хлопнув по столу, любящая и заботливая мать превратилась в строгую и грозную. — Скажи, это потому, что ты потерял голову от похоти и силой взял простого мужчину?

Братья поставили тарелки и палочки для еды и послушно выслушали брань. Два человека, обладающие наибольшей властью и влиянием в Дашао, не боялись неба и земли, а только боялись своей матери-императрицы.

— Я бы не осмелился, — Сун Ю был все так же невозмутим, как и раньше.

— Не посмел бы обмануть вышестоящего и ввести в заблуждение подчиненного? Или не посмел бы взять силой обычного мужчину?

— Мама, третий брат его не заставлял...

— Да закрой ты рот, наконец! Ты на самом деле тоже осмелился действовать как сообщник тигра*, помогая тирану-правителю в его притеснениях**. Этот помощник министра обрядов — второй брат твоей жены! — она быстро перевела взгляд на Сун Сюаня и тут же отругала его.

[П/п: *"действовать как сообщник тигра" - помогать злодею творить зло;

**"помогать тирану-правителю в его притеснениях" — встать на сторону злодея].

Сун Сюань замолчал во избежание неприятностей. У него даже не хватало смелости поднять голову.

Выражение лица Сун Ю не изменилось, он сказал откровенно, искренне признавшись матери:

— Мама, мы с ним гармонично любим друг друга.

— Не говоря уже о том, что неподобающие отношения между двумя мужчинами могут вызвать самый позорный скандал, безнравственность правителя и его министра — это уже величайшее безобразие! — выговор от матери-императрицы был абсолютно строг, когда она сердито указывала на его вину. — Ты, ты, ты... Ты собираешься разозлить меня до смерти, не так ли?

— Мама, пожалуйста, успокойся. Я понимаю, что к мужчинам, любящим друг друга, мир не будет терпим, однако мы уже глубоко полюбили друг друга, едины телом и душой. Жаль, что ты не можешь понять, — искренне, в спокойной манере сказал Сун Ю.

Мать-императрица долго смотрела на него с напряженным лицом, а потом вдруг захихикала "пф-ф", прежде чем разразиться смехом. За долю секунды выражение ее лица изменилось.

— Любите друг друга глубоко, едины телом и душой — у тебя даже есть наглость сказать вслух подобные слащавые банальные вещи. Даже лицо твоей матери краснеет вместо тебя. Действительно, ты заслуживаешь звания моего сына.

Братья вздохнули с облегчением. Их мать-императрица имела озорной характер. Так получилось, что она предпочитала подшучивать над другими, меняя выражение лица так же легко, как листает книгу. Со всеми тринадцатью братьев и сестер, независимо от того, родила она их или нет, она играла с самого детства, пока те не выросли. На самом деле, к ней

относились с уважением, любили и боялись.

— Мама, третий брат и он действительно любят друг друга, даже я завидую им, когда вижу их такими, — поспешно заговорил Сун Сюань, чтобы поддержать брата.

— Да что ты знаешь! Иди домой и обними свою жену, — мать-императрица дала ему жареные каштаны.

— О, это правильно! Мама, жена твоего сына зачала второго ребенка!

— Так почему ты все еще суешь свой нос здесь? Иди домой к жене!

— Да! Я немедленно пойду! — последовала приказу Сун Сюань, плавно совершив побег с места преступления.

Мать-императрица переключила свое внимание обратно, затем вздохнула:

— Ай, почему я раньше не знала, что тебе нравятся мужчины? Ты действительно отлично это скрывал. Даже вся семья была обманута.

— Раньше мне никогда не нравились мужчины, пока не встретил его.

— Тебе все еще нужен новый павильон в южной части гарема?

— Нет необходимости. Я просто хочу только его, — сказал Сун Ю. — Мама, мы с ним искренне хотим быть вместе навсегда. Это совершенно не сиюминутное сентиментальное чувство.

Мать-императрица могла видеть серьезность в глазах своего сына, который был тверд в своем мнении, она спросила еще раз:

— Это по этой причине ты до сих пор не имеешь на троне императрицу?

— Да, — Сун Ю говорил откровенно и искренне, ничего не скрывая. — Если бы он был женщиной, я бы непременно назначил его своей императрицей.

— Просто скажи, что не можешь сделать его своей императрицей, но ты все еще можешь присвоить ему титул шанцзюнь, не так ли?

— Я не хочу заставлять его становиться шанцзюнем.

Мать-императрица кивнула, торжественно произнеся:

— То ли взять обычного мужчину силой, то ли гармонично любить друг друга — как вам будет угодно. Ю'эр, император не имеет права иметь личные дела. Каждое твое действие несет на себе вес нации. Бесчисленное множество людей смотрит на тебя снизу вверх. Ты несешь ответственность не только за помощника министра Министерства обрядов, но и за людей во всем мире.

— Понимаю.

— Как ты с этим справишься?

— Я буду ждать его возвращения.

— Когда он вернется?

— Ответ матери: я не знаю.

— Вы играете в игру "отпустить и поймать"? — сдвинула свои красивые брови мать-императрица.

— Это не так.

— Ты еще молод, но опытен и расчетлив. С пяти лет, по сравнению с твоим отцом, ты больше походил на императора, чем он. Независимо от того, что ты делаешь, тебе не нужно, чтобы люди вмешивались или беспокоились о тебе. У тебя есть свои причины. Выражаясь хорошими словами — это значит глубоко думать и тщательно планировать. Выражаясь грубо — это интриганство и скрытность. Матери будет все равно, в какую игру вы играете, просто не допускай, чтобы это привело к трагическому концу, — неустанно увещевала мать-императрица.
— Помни, ты — Сын Небес, император, а не горный разбойник.

— Мама, между нами никогда не будет никакой трагедии.

Сун Юй смотрел в окно, смотрел на далекие места, его глаза проникали сквозь тысячи гор и десять тысяч рек, он глядел на невидимую фигуру своего возлюбленного, глубоко укоренившуюся в его сердце. Он не допустит, чтобы с ними приключилась трагедия. Они будут жить поколениями, будут вместе навечно.

На следующий день слух дошел до того, что "Император признал свои отношения с помощником министра обрядов". Столица взорвалась, как котел.

Благодаря прогрессу мужчины и женщины, зрелые и молодые люди держали в руках

художественные книги. Малоизвестные книги, особенно намекающие на императора и помощника министра обрядов, издавались и множились, как пчелиный рой. За короткое время в Лояне даже бумага вздорожала*.

[П/п: *"в Лояне даже бумага вздорожала" — сенсационная популярность новой книги. Эту идиому используют как восхищенный комплимент автору, в значении "Ваше произведение великолепно, ваша книга идет нарасхват"].

Контроль династии Дашао по отношению к издаваемой литературной деятельности не был суровым: никто не сажал в тюрьму и не казнил автора за написание чего-то, что считалось оскорблением императорского двора, более того, никогда не сжигались книги и ученых не закапывали живьем. До тех пор, пока не начиналось волнение в народе или слишком уж напрямую не упоминались имена, если это не влияло на события в целом, то до некоторой степени на это закрывали глаза.

Газетный и книжный магазин Ли Цуниня, конечно же, воспользовался шансом, чтобы заработать состояние. Он мог бы рассказать историю так, будто знал ее во всех деталях. Эти популярные книги назывались "Судьба Богини Цветов", "Романтика пиона", "Ваше Величество, нет", а на вершине бестселлеров был "Ветер, цветок, снег и луна* между Его Величеством и мной". Чем откровеннее и альковнее были и название, и содержание книг, тем резче возрастал объем продаж. Кроме того, все эти книги были написаны автором, которого он поддерживал. Все вы, кто не достиг восемнадцати лет, пожалуйста, не читайте эти книги.

[П/п: *"Ветер, цветок, снег и луна" — буквально переводятся как "любовные дела"].

Давайте перенесемся на шесть лет назад, на первое утреннее заседание после фестиваля фонарей. В начало главы "Ветер, цветок, снег и луна между Его Величеством и мной".

Говорят, что после того как император распустил заседание, он конфиденциально призвал Ли Цунцина. Тот напряг нервы, напряг ягодицы, в боевой готовности последовал за Вэй Сяомяо в императорский кабинет, чтобы получить аудиенцию.

— Докладываю Вашему Величеству: пришел господин Ли, — Вэй Сяомяо привел Ли Цунцина в императорский кабинет. Отступив к императору, ожидая его, лично приготовил чернила и кисть для письма.

— Смиренный подданный почтительно приветствует Ваше Величество, — Ли Цунцин замер далеко-далеко. Это был первый раз, когда он был призван в императорский кабинет в одиночку.

— Подойди ближе, — глаза монарха не отрывались от документов.

По его приказу Ли Цунцин сделал шаг вперед, очень крохотный шаг.

— Двигайся ближе.

Был сделан еще один шаг вперед, такой же незначительный.

— Подойди ко мне, подними голову.

Ли Цунцин мысленно вздохнул, поднял пару тяжелых ног, чтобы встать перед императорским креслом, задрал голову, но его ресницы все еще были низко опущены, он не смел смотреть прямо на императора.

Теперь император посмотрел на него, на выражение его лица, на котором отражалось ожидание получить наказание, отчего у него появилась легкая спокойная улыбка. С непринужденной и неторопливой манерой, словно вел праздную беседу, он сказал:

— Не знаю почему, в прошлом я не ощущал, что ты выглядишь привлекательно, но отчего, чем больше я смотрю на тебя, тем больше я чувствую, что ты привлекателен? Сяомяо, скажи, как ты думаешь, что все это значит?

— Ответ Вашему Величеству. Есть народная поговорка: в глазах влюбленного возникает Си Ши* — даже если применять ее к господину Ли не совсем верно, но мысль не так уж далека, — с уважением ответил Вэй Сяомяо.

[П\п: *"в глазах влюбленного возникает Си Ши" — красота в глазах смотрящего.

Си Ши — знаменитая китайская красавица, первая из четырех легендарных красавиц].

— Ваше Величество, если Вы хотите найти кого-то, кто будет развлекать и доставлять Вам удовольствие, Вы должны найти такого красивого человека, как ученый Лу, который обладает непревзойденной красотой, чтобы по-настоящему взволновать Вас.

— Министр Лу уже стал Си Ши в глазах многих людей. Я не собираюсь драться из-за него с остальными.

— Если Ваше Величество скажет хоть слово, кто посмеет соперничать за него с Вами?

— Тогда это будет неинтересно.

— Нет никого, кто мог бы соперничать с Вами из-за меня, разве это не так же неинтересно?

— Со мной некому конкурировать, я смогу уберечься от беспокойств.

Иначе говоря, Ли Цунцин был единственным, кого он хотел!

Ли Цунцин больше не мог возразить, в своем сердце он кричал в небеса. Он думал про себя: хорош ли он собой или нет, есть у него талант или нет — вся его личность была скучной и бесцветной до предела. Он действительно не мог понять, что император увидел в нем? Он честно очень хотел посоветовать ему позвать императорского лекаря, проверить, не случилось ли что-то с его глазами.

— Я хотел дать тебе хороший официальный пост, ты действительно испугался, — сказал император.

— Смиренный подданный не имеет ни способностей, ни добродетели и не может взять на себя столь тяжелую ответственность.

— Никто не ожидает, что ты возьмешь на себя большую ответственность, — глаза императора вспыхивали от волнения, — кроме твоего почтенного старшего брата, желающего продать мне твои ягоды.

Зачем ему снова говорить об этом? Ли Цунцин чуть не упал. Громкий внутренний плач: старший брат действительно навредил ему и подтолкнул его ягоды к тому, чтобы они оказались расколотыми на части!

— Ли Цунцин, ты согласен стать моим Си Ши? — спросил император нежным голосом.

Сердце Ли Цунцина билось в бешеном темпе. Он хотел сказать прямо, что не согласен, но также считал, что это будет бесполезно, так что в конечном итоге не сказал ни слова. У него не было такой сильной решимости скорее умереть, чем покориться, более того, только по отношению к императору у него была какая-то необычная слабость, от которой он становился беспомощным и неспособным сопротивляться.

— Подойди ко мне.

Вэй Сяомяо положил чернильную палочку и отступил в сторону. Ли Цунцин колебался некоторое время, а затем обошел императорское кресло и встал рядом с императором.

Император усадил его к себе на колени, погладил большим пальцем свежие и гладкие губы.

— Ты первый человек, который меня взволновал и увлек. Я уже сказал, что не буду принуждать тебя, но и не отпущу.

Почти неприличные интимные прикосновения заставили Ли Цунцина слегка вздрогнуть, он жестко выдавил свой голос:

— Ваше Величество действительно хочет мои... кхм... мои ягодичицы?

— В настоящее время похоже, что так.

В настоящем, а как насчет будущего? Ли Цунцин беспомощно улыбнулся с иронией:

— Прошу прощения за дерзость скромного подданного сказать прямо: эти слова Вашего Величества поистине жестоки.

— Ты думаешь, я рассматриваю тебя только как свою игрушку?

— Пока их любят, то держат на ладони и считают сокровищем. После того как их больше не любят, их выбрасывают, как пару изношенных ботинок. Разве это не то, что называют игрушкой, — Ли Цунцин бросил свои слова, тон был близок к вопросительному.

— У тебя внешний вид слабака, но внутри, на самом деле, скрывается противоположное — мужество. Тем не менее эта твоя сторона может быть то, что заставляет меня восхищаться тобой, — император обхватил ладонями его лицо и пристально посмотрел в глаза. — В твоих глазах нет ни монарха, ни подданного, ни страсти, ни мольбы. Я хочу знать, ты, кто не принимает все близко к сердцу, как бы ты выглядел, если бы заботился о чём-то? Ли Цунцин, ты когда-нибудь на самом деле к чему-либо привязывался?

Ли Цунцин растерялся. Если заглянуть в прошлое, с тех пор, как он родился и до сегодняшнего дня, он никогда не проявлял никакой абсурдной настойчивости. По отношению к кому бы то ни было и к чему бы то ни было он предпочитал обходиться, чем мог, в какой-то мере, удовлетворяясь тем, к чему мог пройти: пил воду, если была вода, ел кашу, если была каша. Без принципа — вот его принцип. Он вел самый расслабленный образ жизни, но такой способ существования делал его жизнь пустой и бессмысленной.

Слова императора заставили его оглянуться назад и задуматься о своей жизни. Даже при том, что бестолковый и невежественный способ существования был наиболее подходящим для его небрежного неактивного нрава, но это была, честно говоря, чрезвычайно скучная жизнь, не отличающаяся от прозябания совершенно бесполезного человека. Проще говоря, только пить и есть до самой смерти.

Он должен измениться, не так ли?

Император не проявил нетерпения и просто поддерживал его, чтобы он не упал, но и не оставил ему слишком много времени для колебаний и поиска выхода. Шепча ему на ухо нежным голосом, приказал:

— Сегодня вечером отправляйся в Тинся и жди там.

Глубокий и низкий голос был полон соблазна. Когда блистательно красивый и завораживающий Его Величество император хотел соблазнить кого-то, кто мог бы противостоять ему и остановить его?

Ли Цунцин вздрогнул, его уху стало очень горячо.

— Ваше Величество сказали, что не заставите меня.

— Если ты скажешь, что не согласен, я определенно не стану тебя принуждать.

Чепуха! Кто посмеет сказать, что не согласен перед тобой, Сыном Небес! Ли Цунцин закатил бы глаза, чтобы тот увидел. Однако не осмелился.

Император отпустил его:

— Сначала вернись в Министерство обрядов.

— Смиранный подданный уходит.

— Не забудь вымыть ягодицы, — холодно напомнил он.

Ли Цунцин, пройдя пару шагов, яростно споткнулся, едва избежав падения. Совершенно возненавидев упоминание об этой части тела, в долю секунды он пришел в ярость и, фактически забыв об уважении подданного к монарху, окинул императора свирепым взглядом. Подняв голову и выпрямив грудь, он затопал прочь большими и тяжелыми шагами.

Глядя на него, император уже не мог сдерживать свой ясный и громкий смех.

— Сяомяо, этот Ли Цунцин очень интересный человек, не так ли?

— Ваше Величество сказали верно, этот недостойный слуга давно не видел, чтобы Ваше Величество был так счастлив.

— Разве я обычно несчастлив?

— Вовсе нет, только не так непринужденно и спокойно, как с господином Ли, — искренне сказал Вэй Сяомяо. — Я желаю Вашему Величеству счастья на всю жизнь.

Император слегка рассмеялся, ничего не ответив.

Только что вышедший из императорского кабинета Ли Цунцин действительно хотел все бросить и скрыться. Но в конце концов, он все же послушно вернулся в Министерство обрядов. Суетливый, не способный ни спокойно сидеть, ни стоять от волнения, он перебирал и перелистывал документы, даже не задерживаясь ни на одном из них на долгое время.

Сотрудники Министерства обрядов никогда не видели его таким взволнованным и беспокойным, как сегодня. Странно, но он не дремал, как обычно. Обеспокоенные коллеги один за другим приходили спросить, что с ним не так.

Он с трудом рассмеялся и сказал, что у него нет никаких проблем. С тревогой он подумал, что если сейчас выразит императору свое несогласие, то правящий на основании добродетели монарх — вовсе не глупый и потакающий своим желаниям человек — никогда не казнит его только потому, что он отказал ему. В худшем случае, он потеряет работу. Но почему эти слова "не согласен" каким-то образом застряли у него в горле, и он не может сказать их прямо? Может быть, на самом деле, он тоже этого с нетерпением ждет?

Ждет?! Пф-ф-ф... он выплюнул глоток чая. Какой нормальный мужчина захотел бы, чтобы его собственные ягоды были расколоты на части! Ли Цунцин впал в уныние и дернул себя за волосы.

Коллеги-чиновники подпрыгнули, пораженные его неизъяснимым, внезапным, странным движением. Сегодня с ним действительно было что-то не так.

— Господин Ли, вы плохо себя чувствуете? Хотите отпроситься, уйти домой пораньше и отдохнуть?

Ему действительно хотелось тайно сбежать домой, но он мог спрятаться там только на некоторое время и не мог убежать навсегда. Более того, пренебрежение распоряжением было большим преступлением. Ай-ай, принужденный сильной личностью человек может только склонить голову, подстраиваясь под обстоятельства.

— Не нужно. Я выйду прогуляться, — чувствуя себя отнюдь не умиротворенным, Ли Цунцин выскользнул наружу. Он расхаживал в цветочном саду возле Министерства. Он вспоминал взаимоотношения с императором с того момента, как вошел во двор в качестве чиновника два года назад — все началось только с Весеннего торжественного банкета. В те несколько встреч во время осенней охоты, почему он не понял, что глаза императора, каждый раз, когда он смотрел на него, становились все более и более глубокими, все более и более наполненными желанием съесть его.

Невольно он вспомнил вкусное жареное мясо, дарованное императором: итак, император хотел откормить его, чтобы он стал пожирнее, а после того, как он стал более нежным, с жирком, он выбрал прекрасное время, счастливый день, чтобы убить и съесть его... Что же мне делать? Что же мне делать? Он не хотел, чтобы его ягоды взломали, но также не смел бунтовать...

— Ах-х-х-х-х-х-х-х-х-х так раздражае-е-е-е-е-е-ет! У меня до смерти болит голова, я больше не хочу думать! — Ли Цунцин, громко вскрикнув, в смятении схватился за голову и топнул ногой.

— Господин Ли, что с вами случилось? — чиновник Министерства доходов по соседству, Гэн Байцзо, случайно вышел и увидел, что Ли Цунцин был один и выглядел так, словно сошел с ума.

— Господин Гэн... что вы обо мне думаете? — не мог не спросить он.

— О чем вы?

— Если мужчине нравятся мужчины, вам бы я понравился?

Гэн Байцзо отпрыгнул и отступил на три шага назад, его лицо потемнело.

— Господин Ли, вы, вы, вы... я, я, я... Моя вина, мне нечего сказать!

Ли Цунцин был ошарашен, затем деловито сказал:

— Вы неправильно поняли, я не имею в виду...

— Извините, мне еще нужно кое-что сделать, до свидания, — Гэн Байцзо убежал так, будто умел летать.

Пришла очередь Ли Цунцина оказаться с потемневшим лицом. "Ай-я-я, неправильно понят... — вздох. — Забудь об этом. Будь то удача или несчастье — катастрофы не избежать. Как бы то ни было, от беды трудно спастись. Переживай-не переживай — это все равно все бесполезно. Лучше немного поспать, иначе устанешь до смерти".

Ли Цунцин, которому было лень волноваться, возвратился в Министерство обрядов. Наконец он вернулся к своему обычному сну и все свои обиды передал Чжоугуну. Он задремал не очень мирным послеобеденным сном до самого вечера. Когда Вэй Сяомяо снова пришел лично позвать его, он действительно хотел просто симулировать смерть, чтобы положить конец всем тревогам.

— Господин Ли, простите этого недостойного слугу за беспокойство. Его Величество дал вам день, чтобы все обдумать: если вы не согласны уступить, то в этот раз вы не должны идти со мной, — сказал ему Вэй Сяомяо.

— Я...

“...Не согласен” — эти слова вновь захлебнулись. Странно, в чем на самом деле его противоречие?

В конце концов, он непроизвольно пошел с Вэй Сяомяо. Они прошли через императорский цветочный сад к расположенному не так далеко от императорского кабинета летнему дому Тинся. Тинся был построен у пруда Тайсюань, это было элегантное и изысканное двухэтажное здание в тихом отдаленном месте. Когда император уставал после занятия государственными делами, он просто приходил сюда отдохнуть, иногда проводил здесь ночь.

Когда они шли по зигзагообразному мосту к Тинся, шаги Ли Цунцина становились все тяжелее и тяжелее, он полз медленно, как черепаха. Вэй Сяомяо не торопил его, терпеливо шел вместе с ним.

Наконец, войдя в Тинся, они поднялись на второй этаж, где обычно отдыхал император.

Император не ждал его там, он, должно быть, был все еще занят государственными делами. Чтобы быть хорошим правителем, требовалось быть добродетельно правящим монархом, а не человеком, который из-за личных отношений отбросил бы дела нации. Эта маленькая мысль позволила Ли Цунцину немного оживиться: по крайней мере, его не обвинят в обмане и принуждении правителя пренебречь делами государства.

Но император послал никогда не покидающего его Вэй Сяомяо для заботы о нем — из этого можно было ясно увидеть степень его серьезности. Несмотря на то, что Вэй Сяомяо был евнухом, он был самым доверенным слугой императора, а также главным управляющим Внутреннего дворца. Строго говоря, его положение было выше, чем у Ли Цунцина. Но он лично обслуживал его, как подчиненный, совершенно не проявляя ни малейшего раздражения, когда прислуживал ему. Кротко и смиренно ожидал, пока тот поужинает, искупал его и переодел — шаг за шагом, каждая деталь тщательно выполнялась с предельной точностью — отчего Ли Цунцин почувствовал себя купающимся в приятном весеннем ветерке. В конце концов, Ли Цунцин понемногу расслабился и непринужденно поболтал с ним.

Во время ужина Вэй Сяомяо специально дал ему успокаивающий суп, чтобы расслабить напряженное тело и нервное состояние. Он также сопровождал его в разговоре, пока не увидел, что Ли Цунцин выказывает сонливость.

— Господин Ли, вы можете прилечь и немного отдохнуть.

— Его Величество еще не прибыл, как я смею спать? — голос был мягким и слабым от сильной навалившейся сонливости, его тело и сердце расслабились, он не осознавал, что больше не беспокоится о прибытии императора.

— Его Величество не обвинит и не накажет вас за это, — Вэй Сяомяо помог ему откинуться на просторную и удобную драконью кровать.

Любящий поспать Ли Цунцин, как только голова соприкоснулась с подушкой, полностью забыл о том, что его ягодицы вот-вот лишатся девственности. Неторопливо сладко зевнув, он с легкостью предался короткому сну.

Уложив его должным образом, Вэй Сяомяо отправился в императорский кабинет для отчета. Император закончил все сегодняшние правительственные дела пораньше. Вызвав императорского лекаря, он хотел, чтобы тот ясно объяснил, на что следует обратить внимание во время гомосексуальных радостных моментов. Более или менее он слышал об однополых связях, также видел кое-что в книге. Но он никогда не испытывал этого лично. Он не хотел, чтобы Ли Цунцин боялся и страдал, принимая его.

Вопросы, задаваемые императором, были причудливыми и наталкивали на определенные мысли, но лицо его было точно такое же торжественное и спокойное, как обычно: на нем не было и следа застенчивости, вульгарности и извращенности. Императорский лекарь не мог заподозрить его, также как не осмеливался относиться к нему неуважительно: аккуратно и основательно — начиная со строения мужского тела, с того, как подготовиться заранее и как убирать потом — он объяснил все подробно. Он попросил своего слугу отправиться в имперский врачебный квартал, чтобы тот принес смазочное масло и крем, предоставив их императору. Он также добавил, что когда тела соединяются вместе, поза такая же, как с женщиной, только тело мужчины не мягкое, в отличие от женского: если чрезмерно согнуть и потянуть, то это, вероятно, вызовет растяжение мышц — и так далее и тому подобное о проблемах тела, о которых необходимо знать.

Вэй Сяомяо подождал, когда императорский лекарь уйдет, после чего подошел к императору, тихим голосом сказал ему, что он помог господину Ли заснуть первым.

Кивнув, император взял две маленькие фарфоровые бутылочки — подарок от императорского лекаря — и отправился в Тинся.

Ли Цунцин все еще лежал там, такой спокойный, безмятежный и тихий. Император не смог нарушить его сон, он сел рядом с кроватью и молча глядел на это обычное, но с губами цвета весеннего цветка, лицо.

Император был терпелив весь день, с трудом сдерживаясь от желания пойти в Министерство обрядов и казнить Ли Цунцина. Он позволил своему сердцу хорошо подготовиться. Он также вызвал императорского лекаря, чтобы тот объяснил, что происходит во время полового акта с мужчиной. Такого рода вдумчивое внимание никогда прежде не уделялось ни одной из его наложниц, но теперь, когда он отдавал его мужчине, даже он сам не мог не чувствовать, что это довольно неожиданно, его сердце стало таким мягким.

Наклонившись, он нежно поцеловал Ли Цунцина в губы и пробормотал шутливо на ухо:

— Ли Цунцин, я дам тебе еще одну возможность. Если ты сегодня не проснешься, я пока отпущу твои прелестные маленькие ягодицы.

Неизвестно, был ли Ли Цунцин счастливчиком или нет, но его сон оказался не слишком крепким. От поцелуя императора он наполовину пробудился, оказавшись в состоянии полуяви-полусна. В тумане он услышал, что кто-то говорит ему на ухо, но не мог ясно разобрать слова, немного погодя он проснулся, приоткрытые глаза образовали щели. Растерянно глядя на приблизившееся до крайности красивое лицо, он забормотал, словно во сне:

— О... Ваше Величество, ты пришел.

Как мог человек, уснувший так крепко, что запутался и потерялся, вспомнить вежливость правителя и подданного. Без тени тревоги и страха он выглядел совершенно наивным и милым. Свет озарил блестящие глаза императора. Яростно сгорая от желания, он сказал:

— Похоже, тебе суждено быть моим.

Его губы коснулись Ли Цунцина. Горячие, они безумно кусали, посасывали, захватив находящегося в полусознательном состоянии Ли Цунцина в глубокий поцелуй.

Ли Цунцин мгновенно оцепенел, не отталкивая и не сопротивляясь. Его тело все еще было слабо, как во сне. Но его сердцебиение, так же как и дыхание, казалось, остановилось из-за волнения, тело дрожало и нагревалось.

Император снял свободный и тонкий ночной халат, обнажив свои обычно никогда не встречавшиеся с солнцем светлую, чистую кожу и мускулы. Его губы и язык, дотошные, как брызги дождя, извивались вниз по контуру тела мужчины, он использовал нежный, но мощный способ зажечь искру.

Губы и язык направились к нижней части тела. Вдруг, перевернув Ли Цунцина на живот, он стал тщательно впиваться и кусать верхнюю часть круглой, светлой и нежной ягодицы.

Ли Цунцин был потрясен до такой степени, что полностью проснулся. Его талия подрагивала и сотрясалась, его голова, напротив, становилась более пустой, неспособной думать, неспособной остановить дрожь с головы до ног и перенести сокрушительное желание, распространяющееся по телу. Волна за волной электрические разряды бушевали во всех направлениях.

Император раздвинул узкую щель, чтобы открыть скрытую долину между ними. Цвет и блеск были розоватыми, форма, как цветок.

— Кто бы мог подумать, что эта часть тебя такая прелестная?

Прелестная? Как ягодицы могут быть красивыми?! Ли Цунцин инстинктивно там сжался, но был снова решительно раскрыт, выставлен на обозрение разгоряченному до красна пылающему взгляду.

— Не смотри... — Ли Цунцин зарылся головой в подушку, ему было ужасно стыдно. Его тело нагревалось и накалялось все сильнее, словно он тщательно поджаривался под взглядом императора.

Император не просто смотрел — он протянул пальцы, чтобы возбудить и потрогать, погладить, потереть и размять.

От ощущения, что палец пробрался внутрь, дрожь в талии Ли Цунцина стала еще сильнее.

Зная, что Ли Цунцин боится боли, император подавил кричащее желание внутри своего тела. Нежно и любовно лаская, он использовал большое количество смазочного крема, чтобы раскрыть его, но боль самого первого раза, полного вожделения, конечно, была неизбежна. Когда в Ли Цунцина проникли, он издал болезненный крик.

Откровенно говоря, его тело не пострадало от невыносимой боли: успокаивающий суп, достаточное количество смазки, а также любовные ласки сделали его расслабленным и вялым. Однако ощущение огромного незваного гостя, пронзившего его, вызвало смертельный страх. Он был так потрясен, что его душа словно вылетела из тела.

Он любил читать разнообразные, случайные, пошлые книги. Книги, описывающие непристойную любовь между мужчинами, естественно, не прошли мимо его рук. Он прочитал немало таких, что назывались “Неофициальная история гомосексуализма”, “Мужская шапочка и женская шпилька”, “Запретный аромат весны” и так далее. Когда он читал, ему казалось, что это так забавно. Но когда подобное случилось на самом деле с его собственным телом — это оказалось совсем не восхитительно.

Император двигался очень неспешно, терпеливо позволяя ему привыкнуть к себе.

Намеренно медленный темп был так же хорош, как и в равной степени мучителен: с каждым толчком Ли Цунцин чувствовал, что будто обжигающе горячее железо медленно вонзается в него. Когда его не спеша извлекали, он мог ясно чувствовать, что часть его тела от трения постепенно, дюйм за дюймом, открывается...

Закусив губу, он крепко схватил императора за руку. Обычно всегда наполовину открытые, наполовину закрытые глаза широко распахнулись. Пелена и дымка клубились и проплывали мимо, казалось, они вот-вот прорвутся сквозь плотину и забурлят. Он никогда не выпускал таких больших веществ, еще более невозможно запихнуть в него такую большую штуку... "Я умру! Я точно умру-у-у-у-у!"

Император, увидев, что Ли Цунцин испугался, и его лицо стало бледным, не мог не пожалеть его. Он беспрестанно целовал Ли Цунцина, утешая, и тихо прошептал на ухо:

— "Лениво завернутый в тонкую одежду для сна в холодную ночь, подушка весенних цветов благоухает каждую ночь".

Ли Цунцин какое время находился в оцепенении: как знакомо, казалось, он слышал это где-то.

— Конечно, все забыто, — император несколько не удивился этому. Когда Ли Цунцин продекламировал эти два стиха, он был в высшей степени пьян — скорее всего, он забыл, как только протрезвел. Он намекнул: — В прошлом году на Весеннем церемониальном банкете это произнесли уста пьяницы.

— Ты это видел? — уши Ли Цунцина стали горячими от стыда.

— И запомнил, — император поцеловал его глаза, приказав ласковым голосом: — Закрой глаза, не бойся, в глубине души ты знаешь: я никогда не причиню тебе вреда.

Ли Цунцин моргнул, послушно закрыл глаза и медленно расслабил свое напряженное тело. Сильно вздрогнув, он впустил горячее и твердое, как железо, то, что вошло внутрь него.

Регулярные движения чувственной страсти постепенно от медленных стали стремительными, от легких — тяжелыми. Ли Цунцин чувствовал себя подобным листу, упавшему в реку: вначале он медленно дрейфовал вместе с потоком, затем плавно влетел в более жесткое и быстрое течение и, наконец, утонул в интенсивном валу океанских волн. Он тонул в волнах, и его выбрасывало на поверхность, тонул, и его снова выбрасывало...

Всякий раз, когда он тонул, и его выбрасывало, когда он находился в эпицентре боли, нарастала нить незнакомого удовольствия, становясь все сильнее и сильнее. Чье дыхание стало более интенсивным? Кроме того, чьи стоны вырываются наружу?

— М-м-м... Ах-х-х-х...

Когда определенная точка была задета, когда накопившееся удовольствие заглушило боль, наслаждение внезапно стало более острым, опустошив его еще более чувствительное восприятие: он хотел этого, но также и не хотел, он хотел, чтобы это закончилось, но также не хотел, чтобы это заканчивалось.

— Ах-х-х... Нет... Не хочу... Ах-х-х...

— Да, ты этого хочешь.

Быстрее и сильнее, глубже и тяжелее, что окончательно привело к истерическому расстройству, безрассудно брызнувшему наружу.

— Ах-х-х-х-х-х-х-х-х-х-х-х...

В ту долю секунды, когда он был на пике наслаждения, казалось, он мог видеть, как вчерашнее

небо расцветает фейерверками: этот великолепный и яркий свет ослепительно закружился перед глазами, опустошая все его мысли.

— Ах-х!

Перекатываясь в нахлынувших волнах, содрогаясь при каждом толчке от наивысшего удовольствия, два намокших, влажных тела судорожно вздрагивали, переплетаясь вместе и став единым целым — в данный момент было неясно, где чья кровь, чья плоть.

Ху-ху-ху... тяжелое дыхание постепенно успокаивалось, переплетенные тела не хотели расслабляться и отпускать друг друга, неразлучные в липком объятии. У Ли Цунцина была иллюзия, что его все еще толкает и сжимает вчерашняя толпа, он схватил его, он облокотился на него... Он искал его на большом расстоянии, когда он вдруг обернулся, этот человек уже был там, в тусклом свете фонарей...

Спустя долгое время император тихо спросил:

— Ты девственник?

— Нет. В день моего пятнадцатилетия семья привела меня в бордель, чтобы отпраздновать мое совершеннолетие, — честно ответил ему Ли Цунцин с тяжелым гнусавым звуком, все еще ошеломленный.

— Но твоя чувствительность такая, будто никто никогда не проникал туда раньше, — император неторопливо потешался над мягкой, опущенной вниз частью тела Ли Цунцина, любовался ею: даже эта часть была похожа на своего владельца — восхитительно ленивая.

— Моя задняя часть действительно никогда никого не принимала, — лениво бросив косой взгляд, он бессильно проигнорировал небрежную и случайную позу. Уставший и ослабевший, даже не подумал передвинуться.

После того как ему исполнилось пятнадцать лет поначалу он ходил украдкой в бордель, чтобы осушить себя. Но после нескольких раз он почувствовал, что такие вещи на самом деле очень утомительны, поэтому больше не ходил так часто. Как насчет того, когда у него возникало желание? Пара рук могла делать абсолютно все: это не только удобно, но и быстро, а самое главное — ему не нужно было тратить столько сил. Однако не стоило объяснять эту маленькую деталь императору, так что он не рассказал ему всего.

— Это было больно? — пальцы императора поползли к его ягодицам, слегка погладили мокрый и скользкий цветок. В нем вновь проснулась сладкая и сочная похоть.

— Немного.

— Утомительно?

— Очень утомительно, — Ли Цунцин извивался, сопротивляясь пальцам, которые пытались проникнуть внутрь. У такого инертного, как он, не было такой хорошей выносливости, он не смог бы выдержать непрерывных, интенсивных движений. — Я не хочу больше.

Впервые вкусив восторг гомосексуального опыта, великолепного, замечательного, невыразимого словами, император действительно хотел повторить, но не мог позволить себе причинить вред человеку, который уже очень устал от первого раза. Он мог лишь подавить растущее желание. Убрав пальцы и больше не тревожа его, он поцеловал Ли Цунцина в губы и сказал:

— Давай спать.

— М-гм.

Император подождал, когда Ли Цунцин погрузится в глубокий сон, легонько взял его на руки и понес в ванную. Поместив его в комфортную теплую воду, лично вымыл и очистил, тщательно извлек мужскую эссенцию из его тела, думая про себя, что это то самое семя дракона, о котором мечтали и умоляли многие женщины, однако оно растрачивалось впустую на тело мужчины, которое неспособно отложить яйца.

Хотя Ли Цунцин и не был травмирован до крови, император все же нанес мазь, чтобы уменьшить отек. После этого он отнес его обратно на кровать дракона, улегшись рядом, плечом к плечу. Мысленно он сказал себе, что, похоже, необходимо будет должным образом нарастить физическую силу помощника министра обрядов.

От переводчика:

Когда император и его брат разговаривают с матерью-императрицей, они используют Hai'r — Хай'р, что означает "я", используемое в качестве вежливого обращения к себе перед своими родителями.

<http://bllate.org/book/15018/1327368>